

РАННЕЕ ТВОРЧЕСТВО ХАРИВАНШ РАЯ БАЧЧАНА И ПОЭЗИЯ ОМАРА ХАЙЯМА

В.В. Тепляков, бакалавр

**Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, г. Санкт-Петербург)**

DOI:10.24411/2500-1000-2019-11392

***Аннотация.** В данной статье рассматривается ранняя поэзия Хариванш Рая Баччана, вдохновением которой послужил «Рубайат» Омара Хайяма. Три поэмы, принёсшие Баччану признание критиков – «Мадхушала», «Мадхубала» и «Мадхукалаш» объединяет «винная» символика, заимствованная у Хайяма. Основная цель данной работы – установить, насколько поэзия Хайяма повлияла на эти три поэмы, основываясь главным образом на работах индийских и российских исследователей и на автобиографии Баччана.*

***Ключевые слова:** Баччан, поэзия хинди, чхаявад, Омар Хайям, винная поэзия.*

Поэзия Хариванш Рая Баччана (Harivāṣarāy Vassan, 1907-2003) не в полной мере знакома российскому читателю, особенно это относится к раннему, «бунтарскому» периоду его творчества, когда в нем преобладали «хмельные» мотивы. Вместе с тем, Баччан до сих пор считается в Индии одним из лучших поэтов хинди первой половины XX в.

В 1935 году тогда ещё немногим известный поэт опубликовал своё первое крупное произведение – поэму «Мадхушала» (Madhuśālā – «Винный дом»). Произведение достаточно быстро снискало отклик в душах соотечественников автора и принесло ему признание в литературной среде, а затем и в более широких кругах современников. Вслед за поэмой «Мадхушала» поэт написал ещё две поэмы, продолжавшие «винную» тематику: «Мадхубала» (Madhubālā – «Дочь хмеля», «Винная дева», 1936) и «Мадхукалаш» (Madhukalaś – «Винный кувшин», 1937). Зачастую их называют «винной» трилогией. Хронологически они не являются самыми первыми поэтическими произведениями Баччана, но нам кажется логичным объединять их термином «ранняя поэзия», поскольку эти три поэмы – первые крупные произведения Баччана, позволившие ему в полной мере заявить о себе как о поэте. Их объединяет общая тематика и достаточно стройная, сложная и оригинальная образная система, в которой ярко выделяется группа образов, в основном связан-

ных с «винной» тематикой, навеянной поэзией Омара Хайяма.

Впоследствии славу одного из наиболее значимых поэтов XX века в литературе хинди ему обеспечили такие поэтические сборники, как «Приглашение ночи» (Niśā nimantraṇ, 1937), «Музыка одиночества» (Ekānt Saṅgīt, 1938), «Радуга» (Satarāṅginī, 1945). Прославился он, кроме того, своими многочисленными биографическими и автобиографическими работами, эссе и другими сочинениями в прозе, переводами классиков европейской и восточной литературы на язык хинди, критическими работами.

Хариванш Рай Баччан. Краткая биография. Хариванш Рай Баччан происходил из касты каястхов, традиционно занимавшихся ведением делопроизводства, исторических хроник при мусульманских правителях, а также прочей административной деятельностью, требующей грамотности и навыков в составлении и переписывании текстов. Семья будущего поэта происходила из деревни Бабупатти в историческом регионе Ауд, который располагается на территории, ныне входящей в состав штата Уттар Прадеш.

Каста индийских писцов-каястха, исторически изначально относилась к варне шудр, но, благодаря своему влиянию, поднялась в сословной иерархии и начала причислять себя к брахманам. Впрочем, другие брахманы не спешили принимать каястхов за равных себе, это влекло за со-

бой некоторые трудности в смысле идентификации в индийском обществе.

Баччан, однако, с самого детства мало беспокоился по поводу своего места в кастовой системе, недоумевал, видя, как об этом пекутся его родственники [3].

Хариванш Рай родился 28 ноября 1907 года в Аллахабаде. Будучи ребенком, научился читать и писать на урду, благодаря чему получил возможность познакомиться с творчеством Назира Акбарабади (Nazīr Akbar Ābādī, 1735–1830), Мира Таки Мира (Mīr Taqī Mīr, 1723-1810). Кроме того, он был знаком с произведениями Кабира (Kabīr, 1440-1518) и Миры Баи (Mīrā Bāī, 1499-1547), оказавшей на него особое влияние [3].

От деда по отцовской линии Баччану достались в наследство произведения Амира Хусро Дехлеви (Amīr Husro Dehlevī, 1255-1324), Хафиза (1315-1390), Тулсидаса (Tulsīdās, 1532-1623). Кроме того, в семье поэта читали поэзию Сурдаса (Sūrdās, 1483-1563), Мирзы Галиба (Mīrzā Gālib, 1797-1869).

Окончив среднюю школу, он в 1919 году поступил в высшую школу каястхов, где получил прекрасную филологическую подготовку, познакомился с многими произведениями прежде всего зарубежной литературы, а также современной литературы хинди. Как и многие представители образованной индийской молодёжи того времени, увлекался произведениями Майтхилишарана Гупты (Майтхилишаран Гупта (Maithiliśaraṇ Gupta, 1886-1964) – поэт хинди первой половины XX века. Являлся пропагандистом просветительских и националистических идей), поэтов-чхаявадинов Джаяшанкара Прасада, Сурьяканта Трипатхи Ниралы, Сумитранандана Панта (Чхаявадины – в литературе хинди представители поэтического течения чхаявад, расцвет которого пришёлся на второе десятилетие XX века, к которому относят и раннюю поэзию Баччана), а также английских поэтов-романтиков – П. Б. Шелли (1792-1822), Дж. Байрона (1788-1824), Дж. Китса (1795-1821). К этому же времени относятся его первые поэтические опыты. В первых своих стихотворениях Бач-

чан подражает поэтической манере чхаявадинов [3].

В 1927 году Баччан поступил в Аллахабадский университет. Впрочем, проучился он там лишь пару лет, после чего бросил учёбу, чтобы присоединиться к движению за независимость Индии под руководством М. К. Ганди. С этим же периодом связано определенное затишье в его творчестве. Он уничтожает уже написанные стихотворения, а новых в период с 1925 по 1929 годы не сочиняет.

В 1931 году его рассказ «Очи сердца» (Hṛday kī ākhē) получил одобрение на литературном конкурсе в Аллахабадском университете, а затем был опубликован в журнале «Ханс» (Hās – «Гусь»), редактором которого в то время был известный писатель-реалист Мунши Премчанд (Munši Premchand, 1880-1936). Во времена Премчанда «Гусь» был одним из наиболее влиятельных индийских литературных журналов, именно с публикации на его страницах начинался творческий путь многих замечательных деятелей литературы хинди.

Вдохновлённый успехом, Баччан с новыми силами начинает пробовать себя как в прозе, так и в поэзии. За короткий период он пишет десять рассказов и множество стихотворений. Рассказы не приглянулись критикам и были напечатаны лишь много позже, когда поэт уже приобрёл всеиндийскую известность. Зато сборник Terā hār («Твое ожерелье»), включавший в себя стихи, написанные на рубеже 20-30-х годов, был издан в 1932 году и встречен хвалебными отзывами критиков.

В том же году, благодаря связям отца, Баччан получает работу в газете «Пионер» («Пионер» (The Pioneer) – англоязычный журнал, известный тем, что в конце XIX века его редактором был писатель Редьярд Киплинг) в качестве разъездного корреспондента и агента по распространению газеты. Работа помогла его семье поправить материальное положение, которое тогда было тяжёлым. Через три месяца Баччан был уволен из газеты за поддержку движения Ганди. Но почти сразу же нашёл работу в издательстве «Абхьюдай пресс».

Примерно в это же время он закончил работу над переводом на хинди, сделанным с английского перевода Э. Фитцджеральда «Рубайят» Омара Хайяма и над собственной поэмой «Мадхушала», на написание которой его вдохновил «Рубайят». Вместе с известностью, хоть и не столь еще широкой, поэма принесла ему знакомства, позволившие устроиться преподавателем в Агравальский колледж [3]. Оба произведения вышли в печать почти одновременно – в апреле 1935 года, накануне юбилейной Всеиндийской конференции, посвященной литературе хинди.

Поэма «Мадхушала» стала первой в трилогии «винных» поэм Баччана. Вслед за ней поэт написал два произведения на похожую тематику, вдохновленный тем же переводом «Рубайи» Омара Хайяма и персидской поэзией. В 1936 году появилась поэма «Мадхубала» («Дочь хмеля»), а через год – «Мадхукалаш» («Винный кувшин»).

Три первых крупных поэмы Баччана получили столь широкую известность, настолько овладели умами и сердцами индийской публики, что вскоре после выхода трилогии появилось множество поэтов, подражающих ему, так литературные критики даже придумали слово *hālāvād* (поэзия вина) для того, чтобы как-то обозначить поэзию, подобную поэзии Баччана. Впрочем, в литературоведческой терминологии это понятие не закрепилось [5]. Да и большинство таких поэтов были ничем не примечательны. А про свою поэзию Баччан говорил, что её уместнее было бы называть *jīvanvād* – поэзия жизни [4].

Конец 30-х годов был ознаменован для Баччана выходом в печать двух из наиболее известных и его сборников – «Музыка одиночества» в 1938 году и «Приглашение ночи» в 1939. Оба не уступали «винной трилогии» в художественных достоинствах, хотя во многом отличались от неё: язык их и лаконичнее, они более лиричны и пессимистичны. По мнению самого поэта, если «Мадхушала» была наиболее успешной работой в смысле признания, которое она получила, то сборник «Пригла-

шение ночи» – в смысле его литературных качеств [4].

В 1941 году Баччан начал преподавать в Аллхабадском университете. Через несколько лет отправился в Кембридж, где получил учёную степень доктора наук.

Баччан прожил долгую и интересную жизнь, сама его биография стала предметом многочисленных исследований. За весь период своего творчества он написал и издал двадцать девять сборников и поэм, среди которых прежде всего стоит упомянуть, помимо тех, о которых речь уже шла, поэму «Яд» (*Halāhal*, 1946), которая в определенном смысле примыкает к «винной» трилогии и подводит итог размышлений поэта на темы, которые её охватывают.

Баччан приобрёл известность и как переводчик. Он перевёл множество произведений на язык хинди. Среди них перевод «Рубайата» Омара Хайяма, «Макбет» и «Отелло» Шекспира, произведения У. Б. Йейтса. Кроме того, его перу принадлежат биографии таких личностей, как например, первый премьер-министр Индии Джавахарлал Неру и поэт Сумитранандан Пант.

«Винная поэзия» Баччана и «Рубайат» Омара Хайяма. Омар Хайям (1040-1123) до XIX века был практически неизвестным автором на Западе, а на родине и во всем мусульманском мире прославился, прежде всего, как выдающийся математик, астроном и философ, который внёс огромный вклад в развитие науки на средневековом Востоке. Хайям не был профессиональным поэтом, а четверостишия-рубайи, которые много веков спустя принесли ему всемирную славу, писал прежде всего для чтения в кругу друзей и единомышленников.

Что касается мировоззрения, которого придерживался Омар Хайям, исследователи его творчества до сих пор не пришли к консенсусу по этому вопросу. За всю историю исследования его рубайи существовало множество совершенно противоречивых взглядов на эту проблему. Так, одни исследователи склонны были считать Хайяма последователем суфизма, приверженцем пантеистических воззрений, соответственно трактовали образы, используемые

в рубаи, в ключе суфийской поэтической образности. Другие же видели в его гедонизме признаки материалистических и атеистических убеждений [1].

Проблему интерпретации рубаи Омара Хайяма усугубляет то, что определить авторство конкретных четверостиший среди всех, приписываемых Хайяму, крайне затруднительно. Более того, вопрос тут стоит несколько по-иному: принадлежит ли хоть часть из них авторству того самого Хайяма, который известен нам, как автор трудов по астрономии и математике, или же по каким-то причинам приписываются ему традицией. Среди всех этих рубаи существует множество «странствующих», на авторство которых претендуют и другие персоязычные поэты. Четверостишия достаточно разнородны как по своему содержанию, так и по языку, которым они написаны, используемым в них образам. Некоторые из них вполне можно воспринимать в рамках суфийской традиции стихосложения, считать вполне соответствующими суфийскому мировоззрению, в то время как другие вступают в абсолютное противоречие с ней, как и с положениями ортодоксального ислама. Некоторые четверостишия могут быть восприняты и как правоверные, и как суфийские, но таких, которые бы однозначно указывали на правоверность Хайяма – нет [1].

Существует несколько рукописей «Рубаи» Хайяма. Каждая из них содержит не более трех-четырёх сотен четверостиший. В то же время, всего Хайяму приписывают более пяти тысяч рубаи [1]. На протяжении столетий это обстоятельство вызывало многочисленные непрекращающиеся дискуссии относительно того, какие же рубаи принадлежат его перу, а какие считать пришлыми извне. Некоторые исследователи вовсе отрицали существование Хайяма-поэта.

И действительно, творчество Хайяма настолько противоречиво, что распознать, какие четверостишия аутентичны, а какие нет, кажется задачей почти невыполнимой. Его поэзия отражает сомнения человека, неудовлетворенного окружающей действительностью, колебания между верой и неверием, идеализмом и материализмом.

Во второй половине XIX века свет увидели переводы на английский язык четверостиший Хайяма с персидского языка – переводы, которые уместнее было бы называть переложениями, были выполнены английским поэтом Эдвардом Фицджеральдом.

Переводы эти имели достаточно большое количество текстологических неточностей, так как автор имел весьма ограниченный опыт работы с персидским языком, кроме того, вольная интерпретация четверостиший Хайяма английским поэтом-романтиком привела к значительному изменению смысла. По словам одного из первых рецензентов «Рубайата» Элиота Нортон: «Рубайат не является переводом в обычном смысле этого слова. Фицджеральда можно назвать переводчиком только из-за отсутствия подходящего термина, который мог бы выразить «трансфузию» поэтического духа при переходе с одного языка на другой и передачу идей и образов оригинала в форме, не до конца чуждой их собственной, но полностью приспособленной к новым условиям времени, места, обычаям и образу мышления, в которых эти идеи и образы возрождаются» [3].

К началу XX века эти переводы, которые получили имя «Рубайат Омара Хайяма» (*The Rubaiyat of Omar Khayyam*), приобрели огромную популярность среди широких кругов европейской публики. Возрос интерес к творчеству и личности Хайяма и к персидской поэзии вообще. Не остались в стороне и представители европейски образованной индийской интеллигенции, которые внимательно следили за новейшими тенденциями в европейских литературах и нередко переводили наиболее значимые произведения на индийские языки, в том числе и на хинди, зачастую перенося сюжет произведений в индийскую действительность, подменяя непонятные индийцам реалии европейской жизни индийскими «аналогами».

В течение 2-го – 3-го десятилетий XX века возникало немалое количество переводов индийскими поэтами, как знаменитыми, так и никому не известными, «Рубайата» на хинди. Большинство из них осуществлялось с английского перевода

Фицджеральда, который, как упомянуто выше, был скорее литературным переложением. Кроме того, в отличие от рубаи, послуживших основой для него, разрозненных и не связанных друг с другом по содержанию и, вполне вероятно, принадлежащих даже авторству разных поэтов, «Рубайат» Фицджеральда имел вполне определенную композиционную структуру, будучи представлен в качестве единой поэмы. Не удивительно, что, при склонности индийских поэтов воспроизводить сюжет переводимых произведений на фоне местных реалий для того, чтобы он лучше воспринимался их соотечественниками, такие переводы часто представляли из себя практически самостоятельные произведения, заимствовавшие у оригинала лишь собственно сюжет и отдельные стилистические приемы.

Делались, впрочем, и переводы с персидского, который уже почти век как утратил в Индии свой былой статус языка «высокой» поэзии, но все же имел некоторое распространение среди отдельных образованных индийских семей, прежде всего мусульманских.

Так, когда в 1933 году в журнале «Луна» появились десять четверостиший, озаглавленных *Khaiyām kī Madhuśālā* – «Винный дом Хайяма», никто не обратил на них особого внимания.

Здесь необходимо отметить, что Баччан переводил именно с английского, персидского он, судя по всему, не знал. Хотя он и рос в семье каястхов, его родственники читали персидскую литературу и использовали язык в ведении делопроизводства, а самого Баччана в детстве родители отправляли на уроки персидского, его познания сводились главным образом к речитированию заученных наизусть отрывков из персоязычной литературы [6].

Во многом это было обусловлено тем, что персидский язык перестал играть сколько-либо важную роль в индийском обществе, и Баччану, как и многим его сверстникам просто не представлялось возможностей применить те знания, что были получены в детстве. Лишь десятки лет спустя, будучи преподавателем в Кембридже, получил он доступ к рукописям

Омара Хайяма и смог изучить их с помощью экспертов в персидском.

В виду этого уместнее говорить не столько о влиянии поэзии Хайяма на поэму «Мадхушала», сколько о влиянии на индийского поэта представления о Хайяме, которое индийский поэт мог получить через интерпретацию «Рубай» Фицджеральдом и под влиянием представлений о персидской литературе, бытовавших в индийском обществе того времени.

Кроме того, Баччан усвоил избирательный подход, перенимая художественные средства из «Рубайат», – так среди всего многообразия мотивов у Хайяма ему приглянулись именно винные. Кроме того, творчеству Баччана хоть и свойственен в определенной степени пессимизм, присущий Хайяму, но все же он не определяет художественный мир поэмы [2].

Баччан не подражал Хайяму, а лишь использовал образы, заимствованные у него для решения собственных творческих задач. Об этом писал и сам поэт: «Моё ружье было уже на взводе... Омар Хайям лишь показал мне, как спустить курок» [4].

Заключение. Поэзия Омара Хайяма оказала значительное влияние на раннее творчество Хариванш Рая Баччана. При этом Баччан не подражал Хайяму, а заимствовал из его поэзии те элементы, которые позволяли ему решать свои собственные творческие задачи. Например, «винную» тематику, которая объединяет его раннюю поэзию. При этом «вино» и сопутствующие ему образы в поэзии Баччана наделены авторским значением, символизируют свободу в жизни в творчестве, некую пьянящую эссенцию жизни.

Вне зависимости от того, как творчество Омара Хайяма воспринимается сейчас, Баччан, как и его индийские современники воспринимали Хайяма прежде всего как суфийского поэта. Баччану, выросшему в полирелигиозной среде, но при этом не считавшему себя последователем какой-либо религии, судя по всему, все же импонировал суфизм, поэтому в основу системы образов в его ранней поэзии легли те же «винные» образы, столь часто используемые поэтами-суфиями.

Библиографический список

1. Алиев Р. М., Османов Н. М. Омар Хайям. – М.: Издательство академии наук, 1959.
2. Сенкевич А. Н. Эволюция чхявада и лирика Баччана середины 30-х годов // Художественные направления в индийской литературе XX века / Отв. ред. П. А. Гринцер – М.: Наука, 1977.
3. Сенкевич А. Н. Хариванш Рай Баччан. – М.: Наука, 1979.
4. Bachchan Harivansh Rai. In *The Afternoon of Time: An Autobiography: An Autobiography* / Translation by Rupert Snell – Delhi, 2001.
5. *Sinh Nāmvar. Ādhunik sāhity kī pravṛttiā* – Pāhābād, 2009.
6. *Trivedi Harish. Colonial Transactions: English Literature and India.* – Manchester, 1995.

HARIVANSH RAI BACHCHAN'S EARLY POETIC WORKS AND OMAR KHAYYAM'S POETRY

V.V. Teplyakov, *Bachelor*
St. Petersburg State University
(Russia, St. Petersburg)

Abstract. *This article is focused on Harivansh Rai Bachchan's early poetry, inspired by Omar Khayyam's Rubayyat. The tree poems that brought Bachchan critical acclaim – Madhushala, Madhubala and Madhukalash all feature wine imagery borrowed from Khayyam's poetry. The main goal of the present article is to establish to what extent these poems were influenced by Khayyam's poetry based mostly on studies by Indian and Russian literary scholars, as well as on Bachchan's autobiography.*

Keywords: *Bachchan, Hindi poetry, Chhayavaad, Omar Khayyam, Wine poetry.*